

УДК 97(73)

США КАК ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ

© 2015 г. **В.В. Согрин***

Институт всеобщей истории РАН, Москва

Автор, характеризуя внешнюю политику США как имперскую, указывает на важное отличие Соединённых Штатов от всех империй прошлого. Американский имперский мессианизм во все времена был освящён идеалами демократии и либерализма. В статье показано, как органичный, но глубоко противоречивый синтез империи, либерализма и демократии влиял и продолжает влиять на внутреннюю и внешнюю политику США.

Ключевые слова: *либерально-демократическая империя, «империя по приглашению», идеализм и реализм, неоконсерватизм, современный миропорядок.*

Являются ли Соединённые Штаты Америки империей? Этот вопрос всегда был остро дискуссионным. Разногласия в существенной мере проистекают из различий в трактовке понятия *империя*. Приведём современные определения, которые не дают возможности назвать США империей. Известный российский обществовед Е.Г. Ясин пишет: «Империя – это государство, в котором один народ (государствообразующий) устанавливает господство или доминирование над другим или другими народами, обычно с присоединением территории их расселения, и удерживает их под своей властью силой или угрозой силы» [15, с. 7]. США под такое определение на протяжении большей части своей истории не подходят. Многие современные исследователи, в отличие от Е.Г. Ясина, полагают, что «государствообразующего народа» в империях вообще нет. Как пишет американский историк и этнолог Р. Суни, «право на власть в империи исходит от господствующего института, а не от согласия управляемых» [13, с. 39–40]. Следуя данному определению, США также нельзя назвать империей, поскольку в них власть делегируется волеизъявлением большинства, и если оно не одобряет внутренней или внешней политики государственных институтов, то меняет или обновляет власть. Если следовать пониманию империи, разделяемому Р. Суни и многими современными исследователями, то надлежит заключить, что демократия и империя вообще несовместимы.

Большинство американских авторов разделяют именно то мнение, что империя может быть творением только авторитарного (деспотического, монархического и т.д.) или тоталитарного (правого или левого) режимов. «Отождествлять Соединённые Штаты с имперской властью, как это делали историки-

---

* СОГРИН Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, председатель Российской ассоциации историков-американистов, главный редактор журналов «Новая и новейшая история» и «Общественные науки и современность». E-mail: ons@naukaran.ru

ревизионисты, – высказывает мнение большинства А. Перлмуттер, – ошибочно. Америка утверждала своё влияние посредством современных инновационных идей, технологических достижений, развития рынков, создания и распространения общества потребления, нежели посредством господства над народами... Империализм, очевидно, являлся фундаментальной принадлежностью коммунистической и нацистской политических систем» [25, р. X-XI]. Американский леворадикальный политолог М. Паренти посетовал: «Студенты факультетов политических наук большинства университетов этой страны не получают возможность проводить исследования проблем американского империализма по причине того, что сам “империализм” не является предметом академического образования... В самих США людей, рассуждающих об американском империализме, считают напыщенными идеологическими болтунами» [6, с. 13].

Но из приведённого выше суждения А. Перлмуттера всё же явствует, что в Америке есть исследователи, которые считают свою страну империей. Принадлежащие к ним авторы известны как историки-*ревизионисты*. Они заявили о себе во весь голос ещё в 1960-е годы, а впоследствии некоторые занимали профессорские должности в престижных университетах, издавали не только фундаментальные монографии, но и учебники [20; 21], которые свободно изучались поколениями студентов. При этом среди ревизионистов есть те, кто считает американскую внешнюю политику имперской изначально, приводя в качестве примеров экспроприацию территорий у индейских племён, присоединение к США Луизианы и Флориды (которые принадлежали до того Франции и Испании), отнятие у Мексики в 1846–1848 гг. Техаса, Нью-Мексико и Калифорнии. Они также считают, что американскому империализму были присущи классические формы, включающие территориальные завоевания, к которым наряду с названными добавляют отвоевание у Испании на рубеже XIX–XX веков Пуэрто-Рико и Филиппин, а также аннексию королевства Гавайи. Но часть ревизионистов делает упор на нетрадиционный характер американской империи, означавший фактически утверждение экономического, политического и культурного преобладания в той или иной стране или группе стран без территориального завоевания и без непосредственного политического управления.

Эта нетрадиционная форма империализма (по сути, она являлась аналогом той формы, которую многие исследователи «левых» школ обозначали как неоимпериализм) выкристаллизовалась на рубеже XIX–XX веков. Тогда США поднялись до статуса *великой державы* и попытались потеснить старые великие державы в их сферах влияния не с помощью военной силы (её тогда у Соединённых Штатов хватало только для побед над Испанией, которая уже выпала из разряда великих держав), а иными способами. И главным среди этих способов оказался *экономический либерализм*, который США предложили миру в качестве ценности универсальной. Их девизом было утверждение в мире полной экономической свободы, или *открытых дверей*, как тогда предпочитали говорить американские политики и дипломаты. Утвердив превосходство в мировом промышленном производстве и не удовлетворяясь более внутренним рынком, американские корпорации были способны в режиме свободной конкуренции вытеснять предпринимателей из других держав на самых разных иностранных рынках. Это, согласно историкам-ревизионистам, обусловило трансформацию внешней политики американского государства в импер-

скую [21; 22; 30; 31; 32]. Так на рубеже XIX–XX веков США стали превращаться в империю, но не традиционного типа, к каковому относились, например, Британская, Французская или Османская империи.

Не искажает ли нетрадиционный характер американской империи семантической и исторической чистоты этого понятия? На мой взгляд, нет, поскольку понятие *империя* в свой родовой – древнеримский – период приобретало разные значения, в том числе и такое, которое по признакам близко к американской империи XX–XXI веков. Изначально оно определяло высшую власть, которую в чрезвычайных обстоятельствах народное собрание передавало консулам или временным диктаторам. Затем появились новые его смыслы, среди которых главным был тот, который обозначал Рим со всеми его владениями как *Pax Romana*. Как пишет современный исследователь античности, римскую имперскую политику «нельзя рассматривать только как жажду приобретения новых территорий и новых богатств». Римская империя превращалась в многозначное и противоречивое явление, при этом на первый план всё более явно выходило «её главное стремление... превратить свои владения в “мир”, в расширяющуюся сферу политической и цивилизационной экспансии» [14, с. 5, 10]. У *Pax Romana* и *Pax Americana* есть не только серьёзные отличия (уже отмеченное – невключение американской империей экономических, политических и культурно-цивилизационных территорий своего влияния в собственную государственность), но и принципиальное сущностное сходство. У Америки то же *главное стремление*, что и у Римской империи – создать и расширять до максимума «мир» своего экономического, политического и культурно-цивилизационного влияния и господства. И в этом *главном стремлении* она превзошла не только Древний Рим, но и все иные империи прошлого.

Но у американской империи есть, кроме уже отмеченного, ещё одно принципиальное отличие уже от всех империй прошлого. Американский имперский мессианиззм во все времена был освящён идеалами демократии и либерализма. В период образования США у американцев не было того негативного отношения к понятию *империя*, которое возникло позднее. Американские отцы-основатели мечтали, что Америка станет империей, но особенной, радикально отличной от европейских монархий и деспотий. Т. Джефферсон, рассуждая в духе Просвещения, самой передовой идеологии той эпохи, мечтал о создании и распространении его родиной *империи разума* – особого, неизвестного истории универсума, обустроенного в соответствии с принципами Ф. Вольтера, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. Во времена отцов-основателей мессианская идея не могла получить практической реализации, поскольку США оставались слабым государством. Уверовав уже достаточно прочно в исключительность своей страны и её избранность для высокой мировой миссии, американцы, их духовные и политические лидеры делали упор на то, что *Америка является собою образец для подражания, подаёт всем другим пример идеального общественно-политического устройства*.

Ситуация меняется в следующем столетии. Президенты-демократы Т. Джефферсон и Э. Джексон обосновывали необходимость широкой экспансии на Североамериканском континенте, при этом особо подчёркивали, что такая экспансия оправдана необходимостью распространения американского демократического эксперимента и способствует укреплению демократии среди на-

селения самих штатов, поскольку тысячи и тысячи неимущих американцев превращаются благодаря территориальной экспансии в фермеров – главную опору демократической республики. То есть территориальная экспансия рассматривалась как основа упрочения и развития демократии. *Так сплавлялись идеи демократии и экспансии, заключавшей в себе имперский ген.* В 1823 г. в послании президента США Дж. Монро национальному Конгрессу уже оба американских континента (то есть включая и Южную Америку) определялись как избранные для воплощения принципов свободы и демократии, а Соединённые Штаты наделялись миссией гаранта этих принципов. В 1845 г. во время войны с Мексикой, завершившейся присоединением к США Техаса, Калифорнии и Нью-Мексико, была сформулирована одна из самых известных доктрин имперского мессианизма – *предопределение судьбы (Manifest Destiny)*. Высказанная одним из духовных лидеров Демократической партии Дж. О’Салливаном и подхваченная политической и идеологической элитой нации, она объявляла излишними традиционно правовые дискуссии об экспансионистских устремлениях США в Северной и Южной Америке: «Эти претензии основываются на праве, вытекающем из того, что нам предопределено судьбой распространить своё владычество на весь континент, который дарован нам Провидением для выполнения возложенной на нас Великой Миссии: установить свободу и федеративное самоуправление» [Цит. по: 29, р. 145]. Экспансия, носившая уже откровенно имперский характер, обосновывалась и оправдывалась приверженностью США демократии.

В XIX веке идеи национальной избранности и предназначённости Соединённых Штатов к миссии маяка и форпоста демократического будущего человечества становятся неотъемлемой частью не только мировоззрения элиты, но и национальной ментальности, входят в результате в плоть и кровь цивилизации США. Г. Мелвилл, один из выдающихся писателей того века, человек демократических убеждений, отмечал: «Мы, американцы, особый, избранный народ – Израиль нашего времени; мы несём ковчег общемировых свобод. Бог предназначил наш народ для великих дел, и человечество ждёт их от нас; великие дела живут в наших душах. Остальные народы вскоре окажутся позади нас. Мы – первопроходцы человечества, авангард, отправленный, чтобы пройти через пустыню, куда не ступала нога человека, и проложить путь в новый мир, в наш мир» [Цит. по: 3, с. 149].

Имперская идея утверждалась не только аргументами в пользу распространения демократии. В Америке XIX века было достаточно политиков, не утруждавших себя демократической аргументацией и обосновывавших необходимость включения в США, как минимум, всей Северной Америки (то есть Канады и Мексики), не прибегая к особым идеологическим ухищрениям. Оппоненты стали называть их *ястребами* (понятие вошло в употребление с 1812 г.). Но доминирующим обоснованием территориальной экспансии стала именно демократическая аргументация. Эта идеологема – *демократический имперский мессианизм* – настолько прочно вошла в сознание как политической элиты, так и масс, что превратилась в материальный фактор американской внешней политики. Автор отнюдь не умаляет значения таких реальных материальных факторов, как американская капиталистическая экономика, геополитика и национальные интересы, но он убеждён, что обозначенный со-

циокультурный фактор с момента возникновения США и до наших дней выступал в качестве непреходящего реального фактора становления и развития американской империи. Он всегда был мощной опорой экономических и политических устремлений американской нации, облагораживал их экспансионистский характер, обеспечивал им массовую поддержку.

Итак, важнейшим источником американской империи был особый органический мессианизм американцев. Его архетип возник намного раньше появления экономического фактора имперской экспансии*, каковым для историков-ревизионистов являлась экономическая мощь американского корпоративного капитала, сложившегося на рубеже XIX–XX веков. Но оформление этого экономического характера подняло имперский мессианизм на новую высоту. При этом либерально-демократический архетип никуда не исчез, продолжая придавать американской империи уникальный характер.

Вместе с тем *демократия, либерализм и империя* находились в весьма сложных противоречивых отношениях. Демократия и либерализм выступали менее противоречиво во внутренней, нежели во внешней политике. Для демонстрации этого различия целесообразно кратко обозначить константы демократии и либерализма во внутренней политике США XX–XXI веков.

Хотя на разных исторических этапах модель американской демократии претерпевала изменения, порой существенные, её архетип, оформившийся в зрелой форме в период образования США, был непоколебим. Назовём его неотъемлемые черты в любом историческом варианте. Это регулярные переборы всех органов власти. Это разделение и полнокровная независимость законодательной, исполнительной и судебной властей, без чего, как соглашались отцы-основатели, любая власть – хоть выборная, хоть назначаемая – вырождается в тиранию. Это наличие «сдержек и противовесов» во взаимоотношениях самих властей, предотвращающих опасные эксцессы и злоупотребления любой из властных ветвей. Это защита прав меньшинств и личности от воли большинства, олицетворяющего народный суверенитет в любом варианте демократии. Это свобода выражения интересов и мнений, наличие альтернативных источников информации и беспрепятственный доступ к ним. Это свобода образования и автономия общественных и политических объединений.

Демократия, воплотившаяся в основном тексте Конституции США, с самого начала дополнялась либерализмом, правовым выражением которого стал Билль о правах – первые десять поправок к Конституции США. По этой причине американское общество нередко называют *либеральной демократией*. Но и либерализм, и демократия в XX–XXI веках претерпели разнообразные изменения, что серьёзно повлияло на внутривластное развитие Соединённых Штатов. Изначально в либерализме, основополагающей идеей которого была автономия личности, независимость её от общества и власти, выступило два течения. *Элитарное* течение обосновывало абсолютную суверенность личности, делая упор на то, что по причине разных врождённых способностей индивидов следствием выступает их экономическое, статусное и иное неравенство. *Демократическое* течение, признавая неустранимость различающихся спо-

---

* Президент Б. Обама отмечал: «У нас в ДНК... отпечатано стремление к расширению – географическому, экономическому и идеологическому» [5, с. 313].

собностей людей, последовательно обосновывало обязанность общества и государства поддерживать режим равенства возможностей для всех индивидов, классов, иных общественных групп.

В XX–XXI веках соперничество двух течений либерализма испытало серьёзные перипетии, на ведущую позицию выходило то одно, то другое. В начале XX века, в период Прогрессивной эры, возникло направление нового либерализма, который возможно определить как *социальный либерализм*. Наибольших успехов социальный либерализм добился в 1960–1970-е годы, когда правительство Дж. Кеннеди – Л. Джонсона одобрило радикальные программы борьбы с бедностью и социального вспомоществования нижним экономическим классам и группам. Чернокожим американцам были предоставлены равные с белыми политические и гражданские права; серьёзных успехов в обеспечении равных экономических, социальных и политических прав с мужчинами добились американские женщины. В тот же период в схватку за распространение на них режима равных возможностей и прав вступили сексуальные меньшинства. Их реальные практические успехи пришлись уже на XXI век.

Социальному либерализму, который со времён Ф.Д. Рузвельта стали именовать просто либерализмом, противостоял консерватизм, как стали с 1950-х годов именовать элитарно-индивидуалистический либерализм. В нём выделялись различные варианты – социальный консерватизм, неоконсерватизм, палеоконсерватизм, а преобладал он во времена правления Республиканской партии. В консервативные политические циклы происходило сужение внутриполитической демократии и либерализма, но их константы во внутренней политике оставались в целом незыблемыми.

Гораздо более противоречивой выглядят демократия и либерализм в преломлении к внешней политике США. Создаётся впечатление, что не всегда, но часто демократия, либерализм и империя (*Pax Americana*), были несовместимы, и обозначение американской внешней политики как либерально-демократической выглядит то парадоксом, то риторикой, то полным абсурдом. Но Америка неизменно считала её либеральной и демократической, вполне согласующейся с внутриполитической демократией и либерализмом. Обозначим и охарактеризуем главные этапы синтеза американской империи, демократии и либерализма в XX–XXI веках.

В начале XX века к уже прочному социокультурному мессианизму американцев добавились мощные материальные факторы. Главным среди них стала успешная корпоративно-капиталистическая экономика. Она вышла на первое место в мире в 1890-е годы, и с того десятилетия первостепенной заботой бизнеса, государства и в целом нации стало утверждение её господства на мировых рынках. На рубеже XIX–XX веков в результате побед над дряхлой Испанской империей США решительно вытеснили её из Латинской Америки. Создав в короткий срок (1898–1903 гг.) из некоторых бывших владений Испании собственную колониальную империю, США в дальнейшем новых колоний не приобретали. В сравнении с имперскими приобретениями европейских стран, американские выглядели скромно. У. Лафайбер подвёл такой краткий итог: «Между 1870 и 1900 гг. Великобритания добавила к своей империи 4,7 млн. кв. миль, Франция – 3,5 млн., Германия – 1 млн. кв. миль. Американцы добавили только 125 тыс. кв. миль» [21, р. 226]. Почему США удовлетворились этим? Ответ

У. Лафибера, что «американцам нужны были не территории, а рынки» [21, р. 226], представляется реалистическим, но не исчерпывающим. Действительно, рынки были главной целью американской экспансии. Однако отказ от дальнейшей борьбы за колониальные владения был также следствием реалистических расчётов занявшего в 1901 г. президентское кресло Т. Рузвельта и его окружения. США накопили достаточно сил для того, чтобы сокрушить Испанскую империю и отнять её колонии. Но соперничать за передел мира с Великобританией, Францией и Германией им было не под силу. Кроме того, опыт колониального «обустройства» Филиппин показал, что поддержание колониального режима даже на небольшой территории требовало жертв, к которым американские избиратели не были готовы. Филиппинцы, получив после краха испанского колониализма не свободу, а нового хозяина, подняли против него восстание. США, подавив его с большим трудом в 1903 г., пришли к выводу, что цена колониальной империи для них чрезмерна, и стали пестовать империю нового типа. Но приобретённой колониальной империи Соединённые Штаты также не намерены были уступать, и она на долгие десятилетия стала для США надёжным плацдармом для распространения своего влияния в огромном регионе, который сегодня известен как Азиатско-Тихоокеанский.

Знаменитые президенты США начала XX века, лауреаты Нобелевской премии мира Т. Рузвельт (1901–1909) и В. Вильсон (1913–1921), были твёрдыми приверженцами и выразителями американского мессианизма. Оба верили, что Соединённым Штатам – цивилизации исключительной – предопределено распространять демократию в мире. Оба были убеждены, что американская промышленность и сельское хозяйство могут успешно развиваться, только активно расширяя присутствие на мировых рынках, что американский флаг должен или прокладывать дорогу коммерции, или следовать по её пятам. Это был постулат неразделимости экономической и политической экспансии. Также обязательной являлась экспансия идеологическая и культурная. Только триада – экономика, политика, идеология – могла полнокровно и гармонично обеспечить американское мировое лидерство. Оба президента при этом выступали лидерами внутривнутриполитического прогрессистского движения, объединившего широкие народные слои. А прогрессистское движение, отстаивая демократические внутривнутриполитические реформы, одновременно одобряло внешнеполитическую экспансию как нацеленную на распространение в мире образцовой американской общественной модели. В массовой ментальности органично присутствовал и фактор укрепления благосостояния всей американской нации, как следствия включения зарубежных стран в орбиту американского влияния [17, р. 34–37; 19, р. 6–9, 30–33, 76–81; 26, р. 226–227, 240–241; 27, р. 7].

В начале XX века США были озабочены утверждением полнокровного господства, в первую очередь, в Латинской Америке. Для этого применялись разнообразные средства, но главным среди них, если воспользоваться современным политологическим термином, была «жёсткая сила» (хотя использовалась и «мягкая сила»). Очевидные материальные интересы обрамлялись в доктрину утверждения в «варварских» и «непредсказуемых» латиноамериканских странах цивилизованного экономического рынка и демократического политического режима, соответствующего нормам правового государства. США при помощи разнообразных средств, в том числе и вооружённых интервенций, взяли под

контроль таможенные и финансовые службы ряда центральноамериканских стран, подчёркивая в риторике необходимость пресечения коррупции властных элит, а на практике обеспечивая наиболее благоприятные возможности для продвижения интересов американских корпораций и бизнеса в целом [Подробно: 8].

В остальном мире США придерживались классической английской модели *баланса сил*, предлагая себя в качестве арбитра международных конфликтов и не упуская случая закрепиться при возможности на рынках, где тогда властвовали европейцы. США претендовали на роль арбитра и в главном европейском конфликте, генерировавшем Первую мировую войну. В конечном итоге они выступили на стороне стран Антанты, но при этом устами президента В. Вильсона предложили оригинальную, противоречившую имперским интересам Великобритании и Франции концепцию победы «без аннексий и контрибуций». Вильсон также предложил отказаться в будущем от классической концепции «баланса сил» и создать новый миропорядок под главенством коллективного арбитражного органа – Лиги Наций. Лидеры Англии и Франции, считавшие себя главными победителями в мировой войне, были возмущены «идеалистическими» планами американского президента и вознамерились разделить между собой колонии поверженных Германской, Австрийской и Османской империй. Это им удалось в полной мере. А американская политическая элита в лице Сената США отвергла, как утопию, план Вильсона управлять новым миропорядком при посредстве коллективного арбитражного органа – Лиги Наций.

Вильсон, представший в глазах большинства его американских современников в качестве безнадёжного идеалиста, в действительности (как показала история) предложил модель американской либерально-демократической империи, ставшей основополагающей для политического класса США после Второй мировой войны и остающейся таковой поныне. Вильсон исходил из того, что экономическая мощь позволит США стать лидером Лиги Наций, превратив её в механизм утверждения либерального универсума по американской модели [Подробно: 10]. Но в расчётах законодателей из Республиканской партии, отвергших план Вильсона в Сенате США, их страна не обладала необходимой военной силой для того, чтобы главенствовать над Англией и Францией в Лиге Наций и действительно подчинять её своей воле.

В исторической ретроспективе модель миропорядка, предложенная Вильсоном в 1918 г., предстаёт преждевременной, но отнюдь не утопической. Последующее развитие во всё возрастающей мере закрепляло господствующую позицию в американской внешнеполитической стратегии за вильсономизмом, обращая так или иначе в его сторонников даже формальных оппонентов. Г. Киссинджер, один из наиболее видных представителей реалистической школы американских международников, признавал в конце XX века: «В течение трёх поколений критики Вильсона яростно нападали на его анализ и выводы, и всё равно в то же самое время вильсоновские принципы оставались прочнейшим фундаментом американского внешнеполитического мышления» [2, с. 41]. По заключению историка-реалиста Л. Амбросиуса, Вильсон «сформулировал доминирующую идеологию для Соединённых Штатов на период так называемого Американского века» [17, р. 2]. Историк-ревизионист Н. Левин был с ними солидарен, указывая, что, «даже потерпев поражение по вопросу о Лиге Наций,

Вильсон в конечном итоге одержал триумфальную победу в долгосрочной битве формирования природы внешней политики США XX столетия» [22, p. 260].

В период между двумя мировыми войнами США во внешней политике следовали стратегии «изоляционизма». Она формально, что соответствовало заповедям первого президента США Дж. Вашингтона, означала отказ от каких-либо обязывающих военно-политических союзов. Но США продолжали считать свою страну, как об этом неустанно заявлял наиболее известный республиканский президент того периода Г. Гувер, лучшей в мире, утверждали свои интересы посредством экономической мощи и искусной политической дипломатии. «Изоляционистские» Соединённые Штаты активно вмешивались в экономическое развитие Европы, добившись в нём фактически руководящей позиции. Они с помощью «жесткой», но всё чаще и «мягкой» силы поддерживали и укрепляли гегемонию в Латинской Америке. Велика была их роль в главной для мира европейской политике, но в то же время они предпочитали не вмешиваться непосредственно в «горячие» европейские «разборки», полагая, что цена вмешательства будет чрезмерно высокой.

Радикальные перемены во внешнюю политику США были привнесены президентом-демократом Ф.Д. Рузвельтом, который был приверженцем вильсоновского подхода к миропорядку с начала активного участия в американской политике. Он одобрял вильсоновскую идею коллективного международного органа как инструмента предотвращения войн и справедливого разрешения споров между государствами и был разочарован отказом американского Сената одобрить вхождение США в Лигу Наций. Рузвельт был убеждён, что американские ценности являются демократической панацеей для всех стран и народов, альтернативой коммунизму и фашизму, тоталитаризму и авторитаризму любых сортов. Его вера в исключительность и одновременно *универсализм* американской демократии, характерная для американской национальной ментальности в целом, дополнялась приверженностью стратегии «либерально-интернационализма», то есть предназначению США к распространению либерально-демократического миропорядка и целесообразности его принятия всеми государствами в качестве оптимального варианта.

В 1930-е годы, как и в предшествующее десятилетие, американское общественное мнение демонстрировало приверженность изоляционизму. Рузвельт, озабоченный в первую очередь внутренними проблемами, предпочитал не дискутировать с изоляционистами. Со всеми этими настроениями и влияниями президент США, будучи сам англофилом и рассматривая с момента прихода нацизма к власти в Германии его как главный источник возможной мировой трагедии, шёл на компромиссы вплоть до начала Второй мировой войны.

В 1940 г. после впечатляющих военных побед Гитлера над европейскими демократиями Рузвельт уверовал в то, что судьба мировой демократии теперь зависит от США, и решительно встал на сторону Англии, продолжавшей сопротивляться Германии. После 22 июня 1941 г. он вместе с Англией вступил в антифашистский военно-политический союз с СССР. Отношения в большой тройке были сложными и противоречивыми, но Рузвельт проявлял готовность к компромиссам с И. Сталиным. Вместе с тем он неизменно был верен той идее, что вследствие победы над фашизмом в мире восторжествует американская либерально-демократическая модель, а американские ценности определяют платфор-

му Объединённых Наций, должны коллективно руководить новым миропорядком. То есть выполнить то, что не удалось Лиге Наций. Лидирующую роль в руководстве объединёнными нациями он отводил главным странам-победительницам, но в первую очередь США и СССР. И это несмотря на то, что между американским и советским обществами сохранялись фундаментальные различия, давшие знать о себе с наибольшей остротой на исходе войны.

Но даже в такой ситуации Рузвельт пытался восстанавливать и поддерживать доверие в отношениях со Сталиным. До своей кончины 12 апреля 1945 г. он убеждал себя и окружающих, что без партнёрства с СССР сохранить прочный и длительный мир после победы над фашизмом не удастся. Создаётся впечатление, что Рузвельт до конца дней верил в возможность изыскивать средства вовлечения Советского Союза в мировой порядок по-американски. В противном случае невозможно объяснить, почему он исповедовал как целесообразность, так и реальность не просто сосуществования двух, по его собственному определению, «тотально отличных» сверхдержав-победительниц, но и их тесного сотрудничества. Представляется, что Рузвельт видел для этого как объективное, так и субъективное основание.

Объективное основание заключалось в том, что в годы войны США совершили мощный рывок не просто к лидерству, но к гегемонии и доминированию в мировой экономике. Их удельный вес в мировой экономике вырос с довоенных 20% до более чем 50%. Экономическое доминирование выражалось не только в этих цифрах. Не менее важным было то, что Рузвельту удалось свершить в сфере мировой экономики то, о чём В. Вильсон не мог даже мечтать в годы Первой мировой войны.

На завершающем этапе войны США создали прочные международные институты экономической гегемонии. В середине 1944 г. в американском городке Бреттон-Вудс был учреждён Международный банк реконструкции и развития, активы которого практически полностью принадлежали Соединённым Штатам. Всемирный банк, как его стали для краткости называть, предназначался для восстановления экономики европейских стран, а также помощи нуждающимся странам Азии, Латинской Америки, Африки. В то же время и в том же месте был создан Международный валютный фонд (МВФ). Он был призван обеспечить стабильность международных денежных расчётов и обращения. Его резервами стали золото и доллары вместо прежних золота и фунта стерлингов. США тогда контролировали две трети мировых запасов золота, и по золотой обеспеченности доллар был вне конкуренции. В обоих международных финансовых центрах большинство постов принадлежали американцам.

Субъективное основание заключалось в самом Рузвельте. Он никогда не был фаталистом и верил в способность человека менять ход истории. Реалии 1930–1940-х годов убеждали многих и многих (среди них, вероятно, и самого американского президента), что именно Рузвельт являлся таким человеком. Он спас американскую цивилизацию от экономического краха в 30-е годы, а в 40-е годы поднял США до уровня экономической и военно-политической сверхдержавы. И в 30-е, и в 40-е годы он руководствовался принципом «в мире нет ничего страшного, кроме самого страха» и блестяще доказывал на практике свою оптимистическую правоту. Политическому гроссмейстеру Рузвельту казалось, что, взаимодействуя со Сталиным в «лайковых перчатках»,

используя экономическую зависимость Москвы от Вашингтона и обладая «сухим порохом» ядерного оружия, он сможет «полюбовно» управляться со второй мировой сверхдержавой [Подробно: 9].

Сомнительно, чтобы «фактор Рузвельта» принципиально повлиял на Сталина при подведении окончательных итогов Второй мировой войны, как и в послевоенном обустройстве Европы и мира. Но смерть Рузвельта оказала воздействие на отношения СССР и США. В годы войны в Советском Союзе Рузвельту был создан образ искреннего друга России. Сталин, «дядюшка Джо», как назвал его Рузвельт, чувствовал себя комфортно при личном общении с великим и обаятельным американским лидером. Новость о смерти Рузвельта 12 апреля 1945 г. погрузила СССР в национальный траур. Опасения советских руководителей по поводу последствий смены национального лидера в США не заставили себя ждать. Сменивший Рузвельта на президентском посту Г. Трумэн не был политическим гроссмейстером, а тем более – уровня Рузвельта. Будучи, как и Рузвельт, приверженцем концепции «Американского века», Трумэн не обладал желанием и искусством действовать в отношениях с Москвой в «лайковых перчатках». Он с самого начала выказал намерение полагаться на силу.

В результате Второй мировой войны были сокрушены тоталитарные капиталистические страны. США утвердили гегемонию в капиталистическом мире и господство в нём собственной либерально-капиталистической модели. По иронии судьбы это оказалось возможным в союзе с социалистическим СССР. Но после этого противоестественный союз распался. Две сверхдержавы, США и СССР, отныне выступали главными мировыми соперниками. Между ними возникла «холодная война», у которой были фундаментальные идеологическая и геополитическая причины.

Имперские амбиции США проявились бы независимо от того, выступил бы в качестве их главного соперника СССР или кто-нибудь другой, занявший в ходе Второй мировой войны схожую позицию сверхдержавы. То же можно сказать и об СССР. Имперский «соблазн» СССР определялся восприятием Советским Союзом исторической миссии смены отжившего мирового капитализма новой передовой формацией – социализмом. Вторая мировая война рассматривалась в качестве важнейшего этапа этого исторического процесса. За счёт стран Восточной Европы был создан «лагерь социализма», как он определялся самой советской идеологией. Согласно той же идеологии, империализм, присущий природе капитализма, без боя своих позиций не сдавал, поэтому нужно было быть готовым дать отпор его главному представителю. После краха Германии таковым стали США.

Сказанное не означает, что виновником «холодной войны» был Советский Союз. США в период Второй мировой войны уверовали в то, что на обломках Третьего рейха суждено утвердиться Американскому веку, а американские ценности должны быть восприняты для блага мира и каждой страны. Произойти это должно было под руководством США, наделённых миссией демократического спасения человечества. Случилось столкновение миссии демократического и миссии коммунистического спасения человечества. Возникла и 45 лет продолжалась «холодная война».

В случае Соединённых Штатов имперская политика проводилась демократической страной, и данный фактор не мог не влиять на её стратегию. Но не-

возможно игнорировать и то, что имперская политика со своей стороны влияла на демократию, неоднократно её серьёзно деформировала, причём как во внешней, так и во внутренней политике. Вот признание президента США Б. Обамы: «Такие методы холодной войны, как секретность, слежка и дезинформация, применявшиеся против правительств и населений других стран, сделались инструментами внутренней политики, средством для преследования критиков, получения поддержки сомнительных политических курсов или сокрытия ошибок. Сами идеалы, которые мы обещали нести миру, предавались в нашей же стране» [5, с. 320]. Ещё более серьёзно имперская политика деформировала демократию на международной арене. США, предлагая демократию другим странам в качестве образца, в конкретной политике зачастую переходили к её навязыванию, реализовывали формулу «все средства хороши для достижения цели» и «цель оправдывает средства». В результате средства превращались в самоцель внешней политики, империя подминала и подчиняла себе демократию.

Невозможно не признать то обстоятельство, что либерально-демократические принципы США неоднократно привлекали симпатии разных стран и народов. Отмечены многие примеры того, как государства разных континентов добровольно воспринимали американские либерально-демократические ценности, обращались к США за их поддержкой, устремлялись в созданные и руководимые ими экономические и финансовые международные организации, а также военно-политические союзы. Норвежский исследователь Г. Лундестад, анализируя это явление, счёл возможным назвать США «империей по приглашению» (это определение нашло понимание и широкое признание в научной литературе) [4, с. 14; 23]. Но добровольное вхождение в имперскую орбиту США оборачивалось их подчинением экономическим и политическим интересам Вашингтона, превращением в союзника низшего ранга.

Уже в 1947 г. Турция и Греция в ответ на угрозы СССР обратились за помощью к Вашингтону, и США стали для них «империей по приглашению». Поддержка Вашингтоном двух государств закреплялась в доктрине Трумэна. Им предоставлялось военное и политическое покровительство, а в последующем оба государства, отнюдь не соответствовавшие демократическим стандартам, были приняты в НАТО. Имперского покровительства США искали и другие европейские страны. Им был предложен план Маршалла. Он немало поспособствовал долговременному экономическому подъёму западноевропейских стран. Две главные побеждённые в мировой войне страны – ФРГ и Япония – под непосредственным руководством США преобразовали свои общества по американской модели. США, раз и навсегда отказавшись от предвоенного изоляционизма, стали активно создавать военно-политические блоки в разных регионах мира и время от времени подавляли радикально-националистические и левопопулистские правительства в зонах своего господства.

СССР отвечал упрочением влияния в лагере социализма. Но утвердить там послушные коммунистические режимы удавалось чаще всего силовыми методами. В конце 1940-х годов Советскому Союзу сопутствовали серьёзные успехи в соперничестве с США: Москва создала ядерное оружие и приобрела мощного партнёра в лице коммунистического Китая. Война в Корее 1950–1953 гг. утвердила определённый статус-кво в военно-политическом соперничестве двух систем. После смерти в 1953 г. И. Сталина две системы обнаружи-

ли намерение закрепить статус-кво в режиме мирного сосуществования. Оно было официально одобрено СССР в 1956 г. на XX съезде КПСС. Две ядерные сверхдержавы признали, что отказ от мирного сосуществования угрожает им «гарантированным взаимоуничтожением». Такой оборот «холодной войны» был неприемлем ни для сверхдержав, ни для их союзников.

На втором этапе «холодной войны» (1961–1980) неравномерность развития соперничества двух империй сохранялась, при этом у СССР появились определённые преимущества в территориальном расширении своей сферы влияния. Начало этапа ознаменовалось мощным подъёмом национально-освободительных революций в «третьем мире», крахом колониальной системы, выходом большинства освободившихся стран из сферы влияния Запада и переходом некоторых из них на сторону социализма. США ответили жёсткими попытками пресечь нежелательный процесс, в то время как СССР его приветствовал и поддерживал. Мирное сосуществование стало сходить на нет, «холодная война» возобновилась в форме острых локальных конфликтов. В одном из них – вьетнамском – США потерпели сокрушительное поражение. Среди масс американского населения возник пораженческий поствьетнамский синдром. Казалось бы, страна была готова отказаться от имперского мессианизма. В такой ситуации руководство США во главе с Р. Никсоном предприняло мощный стратегический манёвр. На рубеже 1960–1970-х годов оно предприняло энергичные шаги по реставрации мирного сосуществования с СССР, получившего теперь название «разрядка» (детант). Были не только достигнуты беспрецедентные мирные договоры с СССР, но также закончена война с Вьетнамом, установлены многоплановые, вплоть до дипломатических, отношения с Китаем. Одновременно в контексте разрядки был развёрнут *хельсинкский процесс* форматирования и расширения многопланового сотрудничества в Европе. Процесс, вовлекший 35 стран, включая СССР и США, был нацелен на распространение ценностей западной демократии и стал, непредвиденно для московского руководства, расшатывать устои социалистического лагеря.

В конце 1970-х годов СССР, закрепляя тенденцию территориального расширения сферы своего влияния, ввёл войска в Афганистан в целях поддержки и утверждения у власти дружественных ему сил. Это оказалось роковой ошибкой. Большинство мусульманских стран, как и нейтральных государств, включая Китай, отнеслись к этому негативно, и у США возникла возможность спланировать против СССР не только своих союзников, но и многие другие государства, в первую очередь мусульманские.

«Крестовый поход» США во главе с президентом Р. Рейганом против СССР ознаменовал начало третьего (1981–1991), завершающего этапа «холодной войны». На президентских выборах 1980 г., принеших победу Р. Рейгану, избиратели, помимо прочего, протестовали против внешнеполитической «мягкотелости» его предшественника Дж. Картера и демократов. Вьетнамский синдром к 1980 г. ослаб, а национальный архетип мессианизма реанимировался. Победивший на выборах республиканец Рейган был выразителем мессианизма. Его сверхзадача была имперской: перейти в решительное наступление на СССР и мировой коммунизм, переломить соотношение ядерных сил и территориального соперничества в пользу США, утвердить их в качестве единственного гегемона миропорядка.

Трудно предположить, как развивалось бы соперничество США и СССР, если бы не приход к власти в СССР в марте 1985 г. М.С. Горбачёва. Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС предложил радикальную перестройку как внутренней, так и внешней политики СССР. Внешнеполитическая перестройка, включавшая отказ от классового подхода и восприятие «общечеловеческих ценностей», означала, по сути, признание чрезмерного «перенапряжения» СССР в ядерном и глобальном соперничестве с США, готовность идти на компромиссы и уступки для того, чтобы высвободить ресурсы, необходимые для вывода реального социализма из глубочайшего «застоя», укоренившегося во многих сферах, но в первую очередь – в экономике. Рейган, вопреки сопротивлению значительной части американского политического класса, поверил в искренность Горбачёва с его концепциями внутри- и внешнеполитической перестройки и позитивно ответил на горбачёвские «вызовы». Но, приняв вызовы Горбачёва, Рейган начал выработать собственные правила «игры» в перестройке мировой политики.

Перестройка мировой политики 1985–1991 гг. ознаменовала завершение «холодной войны». От этого выиграла значительная часть человечества, но этот выигрыш оказался возможным в результате компромиссов и уступок, главным образом, со стороны СССР, что имело следствием утверждение США в качестве единственной сверхдержавы. Вместе с тем этот успех США в «холодной войне» не может рассматриваться по аналогии с победой в «горячей» войне. Используемое рядом авторов в отношении «холодной войны» понятие «третья мировая война» представляется надуманным, публицистическим. В основе войны лежало экономическое и политическое соревнование двух систем – социализма и капитализма – во главе соответственно с СССР и США. Военные конфликты систем носили локальный характер, в основном развивались в «третьем мире», никогда не перерастая в масштабную «горячую» войну. США и либеральный капитализм обнаружили большую притягательность для многих стран социалистического лагеря и «третьего мира», и это послужило основанием успеха либерального капитализма. Политическое искусство лидеров либерального капитализма играло свою роль в его победе, но главное значение имело экономическое и политическое превосходство самой системы.

Наиболее ярко это обнаружилось в Европейском регионе. Восточноевропейские союзники СССР, как выявил ход исторических событий, не признавали своего включения в социалистический лагерь по итогам Второй мировой войны. Когда во второй половине 1980-х годов горбачёвской «перестройкой» им была предоставлена возможность свободного выбора между социализмом и либеральным капитализмом, они выбрали последний. Восточноевропейские государства захотели единения с Западной Европой, и их политический выбор послужил важным основанием последующей ускоренной европейской интеграции, создания Европейского Союза уже не только из стран Западной Европы, но также из государств Восточной Европы, включая бывшие прибалтийские советские республики.

Однако это не было либерально-капиталистическим завершением мировой истории, как заявил летом 1989 г. (опережая реальные события и явно желая «застолбить» лидерство в консервативной идеологии США) американский политолог Ф. Фукуяма. Вскоре у либерального капитализма появился новый мощный реальный соперник – исламский радикализм. Благодаря перипетиям

1980-х годов упрочились позиции и международная роль «третьего мира», ведущих стран Азии, Африки, Латинской Америки. Да и социализм не был полностью устранён с исторической арены. Через ряд лет его влияние стало возрождаться в некоторых регионах, в первую очередь в Латинской Америке. В течение двадцати лет после окончания «холодной войны» политическая зависимость большинства стран Латинской Америки от США резко ослабла, они добились в утверждении своей самостоятельности такого успеха, которого не могли достичь на протяжении предшествующего столетия. *В целом в мировом пространстве вследствие трансформаций 1980-х годов обозначился цивилизационно-культурный плюрализм. По логике советско-американского детанта того десятилетия именно он должен был лечь в основу нового миропорядка, приходившего на смену Ялтинско-Потсдамскому.*

Но человечеству западной цивилизацией в качестве главного итога завершения «холодной войны» навязывался триумф либерального капитализма. В 1992 г. в ходе президентских выборов в Соединённых Штатах обе соперничающие партии уже декларировали этот итог в качестве само собой разумеющейся истины. США без промедления идентифицировали себя как единственную сверхдержаву. Для руководства страны и политического класса в целом отсюда вытекали принципиально важные заключения. Первое состояло в том, что прежний миропорядок, в котором соперничали и делили мир США и СССР, исчез, поэтому необходимо формировать основы нового миропорядка. Следующий постулат – США по праву победителя и потому, что они наконец-то стали единственным мировым лидером, принадлежит руководящая роль в формулировании и выстраивании однополярного мира.

Президентство демократа У. Клинтона (1993–2001) явилось важным этапом формирования Вашингтоном стратегии и практики внешнеполитического курса США в качестве единственной сверхдержавы, единоличного лидера нового миропорядка, сменившего Ялтинско-Потсдамский. Соединённым Штатам сопутствовали удачи в укреплении союзнического альянса с европейскими странами. В результате расширения как НАТО, так и Евросоюза западный военно-политический альянс окреп как никогда. Под руководством США он добился переустройства Югославии по собственным чертежам, утвердил гегемонию в Европе, претендовал на верховенство в создании удобного миропорядка в иных регионах, в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке.

Особенностью великодержавной политики У. Клинтона и Демократической партии, отличавшей их от Дж. Буша-младшего и неоконсерваторов, пришедших к власти в 2001 г., являлась ориентация на союз с ООН и стремление к избеганию единоличного принятия военно-политических решений. Военно-политические акции США и союзников так или иначе увязывались с резолюциями ООН. Но выявилась тенденция вольной, подчинённой собственным интересам США, трактовки решений ООН и нередко единоличного наведения «порядка» в тех или иных регионах и странах мира. Если Ф.Д. Рузвельт в годы Второй мировой войны вынашивал идею четырёх «мировых полицейских», то Клинтон утверждал США в роли единственного полицейского. Не употребляя данного конкретного понятия, Вашингтон активно вводил другие определения, призванные организовывать новый миропорядок по его сценарию. Такие определения, как «гуманитарная интервенция», «расширение демократии», «страны-изгои», «не-

заменяемое государство» (США в качестве мирового лидера. – *В.С.*), не только вводились в международный политический лексикон, но всё более активно использовались для оправдания внешнеполитической практики.

Вышедшие на рубеже XX–XXI веков на ведущую идеологическую и политическую позицию в США американские неоконсерваторы (неоконы) объявили, что Соединённые Штаты являются не только *единственной сверхдержавой*, но и *империей*. Но в отличие от историков-ревизионистов, так же как и политических «меньшинств» типа *новых левых, зелёных, анти- и альтерглобалистов*, неоконы требовали гордиться имперским статусом. Главный аргумент: американский имперский универсум – *Pax Americana* – в отличие от всех прежних империй, основывается на ценностях демократии [1, с. 320–348; 7; 16, р. 335–336; 18, р. 2–5; 28, р. 25; 24, р. 3]. Не будем отказывать Америке в праве именоваться империей и мы, но наше отношение к этому её статусу ближе к отношению историков-ревизионистов, а не консерваторов.

Внешняя политика Дж. Буша-младшего, в наибольшей мере воплотившая мессианско-имперские притязания США на единоличное управление миром, ознаменовалась провалами на Ближнем и Среднем Востоке, в Латинской Америке, на других важнейших направлениях. Причина – очевидная несостоятельность её основополагающего замысла. Буш-младший и неоконы самоуверенно исходили из того, что США, оказавшись в условиях крушения Ялтинско-Потсдамского миропорядка единственной сверхдержавой, способны утвердить монополию в управлении международными отношениями и не просто подчинить себе новый миропорядок, но свершить всемирную «демократическую революцию» по американской модели.

Внешиполитическая практика обнаружила утопизм концепций «однополюсного мира», «нового Американского века», как и иных имперских неоконсервативных фантазий. Плоды победы в «холодной войне» по неоконсервативному варианту пожать не удалось, а сама эта победа выглядела всё более как пиррова. Американская гегемония на значительной части мирового пространства сохранялась, но по её неоконсервативной имперской модели был нанесён сокрушительный удар [Подробно: 11].

Б. Обама, избранный президентом в 2008 г., попытался учесть мировые реалии. Единоличному лидерству США он противопоставлял мультипартнёрство и цивилизационный плюрализм [12]. Но преодолеть претензию на американскую исключительность и мировое лидерство, «предназначение» его страны быть образцом для подражания всем другим странам и регионам не удалось и ему. Наиболее ярко это проявилось во время украинского кризиса 2014 года.

Позиция американского политического класса во время этого кризиса требует осмысления. На мой взгляд, сформулированное российскими СМИ утверждение о возникновении украинского кризиса исключительно вследствие происков «вашингтонского обкома» является упрощённым и конспирологическим. США, безусловно, использовали кризис на Украине в своих интересах, но происхождение его имело внутриукраинские причины. Дело в том, что Украина (так же как и другая бывшая советская республика – Грузия) с момента обретения в конце 1991 г. независимости обнаружила твёрдое намерение выйти из сферы российского влияния, в которой она находилась несколько столетий и которая, с точки зрения украинского политического класса, не су-

лила стране в будущем исторической удачи. Руководство Украины избрало прозападную цивилизационную ориентацию и вознамерилось видеть США в качестве «империи по приглашению». В 2014 г. после устранения обанкротившегося режима В. Януковича украинское политическое руководство продемонстрировало это с наибольшей откровенностью. Воинствующая русофобия нового руководства Украины, как и значительной части её населения, стала непредвиденным откровением для России, не поверившей в то, что братская нация сделала это по собственной воле, а не по указке Вашингтона.

Если бы США действовали «по справедливости», они бы не вторгались в традиционную сферу влияния России, то есть на постсоветское пространство. Тем более, что невторжение США негласно утверждалось в джентльменских соглашениях между руководством СССР и США на завершающем этапе «холодной войны». Но Соединённые Штаты отказались от негласных договорённостей сразу после распада СССР и не избежали искуса стать «империей по приглашению» для бывших союзников СССР по Варшавскому договору, для бывших советских прибалтийских республик, для Грузии и, наконец, для Украины. Всё это унижительно для России, она вправе протестовать против имперского поведения США, но нельзя закрывать глаза на то, что руководство Украины (как и других восточноевропейских стран) добровольно избрало Соединённые Штаты «империей по приглашению».

Другое дело, что имперское вождение США не может не вызывать осуждения, и, кроме того, оно, на мой взгляд, неизбежно обернётся для Соединённых Штатов бумерангом. Также, на мой взгляд, имперское поведение США попирает принципы демократии и либерализма, прописанные в основополагающих государственных документах самих Соединённых Штатов. Не отказываясь от определения США как либерально-демократической империи, считаю, что оно продемонстрировало глубокую противоречивость на всём протяжении американской истории, а в период после окончания «холодной войны» эта противоречивость достигла наивысшей точки.

Список литературы

1. *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005.
2. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
3. *Ливен А.* Анатомия американского национализма // Pro et Contra. 2004. № 3.
4. *Лундестад Г.* Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996. М., 2002.
5. *Обама Б.* Дерзость надежды. СПб., 2008.
6. *Паренти М.* Власть над миром. Истинные цели американского империализма. М., 2006.
7. *Рахшмир П.Ю.* Американские консерваторы и имперская идея. Пермь, 2007.
8. *Согрин В.В.* Рождение американской империи. 1898–1918 // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 80–105.
9. *Согрин В.В.* Ф.Д. Рузвельт и СССР. 1933–1945 // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 11. С. 35–56.

10. *Согрин В.В.* Вудро Вильсон в американской внешнеполитической традиции // Американский ежегодник 2013. М., 2013. С. 34–59.
11. *Согрин В.В.* Внешняя политика Дж. Буша-младшего. Генезис. Эволюция. Итоги // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 92–111.
12. *Согрин В.В.* Барак Обама: внешняя политика либерального прогрессиста // Общественные науки и современность. 2014. № 3. С. 57–72.
13. *Сунд П.* Империя как она есть: имперский период в истории России // Этнонациональная идентичность и теория империи / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007.
14. *Уколова В.И.* Империя: исторический опыт Рима // Вестник МГИМО. 2008. № 2.
15. *Ясин Е.Г.* Фантомные боли ушедшей империи // После империи / Под общей ред. И.М. Клямкина. М., 2007.
16. *Abbot P.* Political Thought in America. Long Grove (Ill.), 2005.
17. *Ambrosius L.E.* Wilsonianism: Woodrow Wilson and his Legacy in American Foreign Relations. New York, 2002.
18. *Vacevich A.* American Empire. Cambridge (Mass.), 2002.
19. *Dawley A.* Changing the World. American Progressives in War and Revolution. Princeton and Oxford, 2003.
20. *Gardner L.S., LaFeber W.F., McCormick T.J.* Creation of the American Empire: US Diplomatic History. Chicago, 1973, 1976.
21. *La Feber W.* The American Age. United States Foreign Policy at Home and Abroad. 1750 to the Present. New York, London, 1994.
22. *Levin N.G.* Woodrow Wilson and World Politics: American Response to War and Revolution. New York, 1968.
23. *Lundestad G.* Empire by Invitation? // The United States and the Western Europe, 1945-1952 // SHARF Newsletter. No. 15. September 1984.
24. *Pearson M.L.* Perils of Empire. The Roman Empire and the American Republic. New York, 2008.
25. *Perlmutter A.* Making the World Safe for Democracy: A Century of Wilsonianism and It's Totalitarian Challengers. Chapel Hill (NC), 1997.
26. Progressivism and the New Democracy / Ed. by S.M. Milkis, J.M. Mileur. Amherst, 1999.
27. *Rosenberg E.S.* Spreading the American Dream: American Economic and Cultural Expansion, 1890-1945. New York, 1982.
28. The Paradox of a Global USA / Ed. by B. Mazlish, N. Shanda, K. Weisbrode. Stanford (California), 2007.
29. *Weinberg A.K.* Manifest Destiny. Baltimore, 1935.
30. *Williams W.A.* America and the Middle East. Open Door Imperialism or Enlightened Leadership? New York, 1958.
31. *Williams W.A.* The Tragedy of American Diplomacy. Cleveland, 1959.
32. *Williams W.A.* The Roots of the Modern American Empire. A Study of the Growth and Shaping of a Social Consciousness in a Marketing Society. New York, 1969.